

Из цикла «Разное»

Три сцены с просцениумом

Больничное

Просцениум

- А в туалет можно?

Я уже около часа лежал на больничной каталке в приемном отделении, меня поочередно осматривали невролог, кардиолог, с моих слов заполняли историю болезни, но никуда не везли. Приехал я в больницу на «скорой» около полуночи: еще утром рухнуло давление, да так, что в ушах похоронный звон, в глазах тьма египетская... Ну и, конечно, перепугался: не подросток, не юноша. Позвонил приятелю-доктору: «Витя, если мой тонометр показывает пульс 40, а давление 64 на 32, это я с тобой уже оттуда говорю?» - «Нет-нет, так бывает, у самого недавно вышло подобное, столбы на улице сшибал! Пей крепкий чай, главное – не вставай, особенно резко, это самое опасное в таком состоянии! И кофеин прими». – «Вот спасибо! Самое приятное в твоих рекомендациях - «не вставай»... И не подумаю вставать!» Все сделал, как сказано, и кофеин, и чай, и кофе... Вечером, однако, пришлось все-таки вызвать «скорую», за ней вторую... в конце концов, дело кончилось тем, что увезли.

И вот лежу на каталке. Когда меня на нее уложили, я почти возмутился: «Что за ерунда, я ходячий!» Объяснять ничего не стали, велели лежать и не дергаться. Пришлось покориться. Везут – думаю: «Хорошо везут – головой вперед! Есть надежда...»

И вот лежу в приемном покое. В туалет хочу от самого дома – жидкости выпил много, а выпустить не успел.

- В туалет можно?

Сестра внимательно посмотрела на меня, сказала:

- Через коридор, только осторожно. И сразу возвращайтесь!

Защелок на больничном туалете нет, пришлось дверь рукой придерживать. Дело сделал, но мотало изрядно.

Наконец, опять пришел дежурный кардиолог, сказал: место приготовили, но не в палате, в палатах все занято, - а в коридоре. «Ну, до завтра потерпите, а там выписка будет...» Я аж привстал:

- Какое завтра, доктор! Я жену попросил не ложиться – думал, через часок меня заберет, а я уже второй час здесь!

- Вы не волнуйтесь так... - доктор был очень приветлив и предупредителен. – Не волнуйтесь. Мы вас прольем, чем нужно, давление стабилизируем – и отпустим.

- Когда же?! – я был нетерпелив и неприветлив.

- Утром. Возможно.

Кардиолог исчез.

Меня опять повезли. Везли так: одна санитарка толкала каталку, другая тащила, выплевывая матерки. Не в мой адрес – просто так, по привычке. Ей все равно было, кого она везет – барда или члена Государственной думы. Тело – оно тело и есть, чье бы ни было. Сегодня ты – кто-то, а завтра – номерок в кладбищенском реестре... Но везут все-таки вперед головой. Пока.

С каталки на кровать в коридоре перекатился сам. Кардиолог снова возник – в очках, с бородкой клинышком... будь бородка черной – ну, истинно Мефистофель! Хотя у этого лицо попроще и... не такое интеллигентное. Прости, Господи!

- Еще раз прошу прощения за временные неудобства! – снова извинился доктор. – Все мужские палаты заняты.

- Да меня можно и к девочкам, я уже почти безвредный.

Сестра-хозяйка шутку оценила, похлопала сочувственно по плечу:

- Они старые!

- Так и я уже не первой свежести...

Доктор оставался серьезным и доброжелательным:

- Утром будет выписка, в обед переложим вас в палату.

Я застонал:

- Ну, какой обед, доктор?! Обещали же утром отпустить!

- Посмотрим... посмотрим... Сейчас – капельница и сразу спать. Утром – ЭКГ, эхо... ну, и что еще будет необходимо.

И его простоватая улыбка снова растворилась в пространстве больничного коридора.

Сестра-хозяйка окликнула:

- Александр Геннадьевич, ему ведь утка, наверное, нужна?

- Да-да, непременно, его же будет заносить!

Я снова возмутился:

- Туалет почти напротив, я ходячий – зачем мне утка?!

Доктор ответил издали, уходя и думая уже о другом:

- А вот пойдешь... голова закружится... башкой об унитаза треснешься...

Утку повесили на рамку кровати.

Сестричка, не целясь, воткнула иглу в вену. Капельница повисла на полтора часа. До этого я успел позвонить жене, чтобы ждала не скоро.

Сестричка по моей просьбе принесла воды в собственной кружке и, стараясь ободрить, сказала:

- Ничего, утром будет выписка, переведем вас в палату.

- Да я утром домой уеду!

- Нет! - улыбнулась сестричка. – Не уедете. Отсюда еще никто просто так не уходил.

То есть на самом деле она сказала: «Сюда если привезли – дней на десять, а то и больше», - но в моем воспаленном воображении это прозвучало иначе. Зловеще.

Я замотал головой:

- Нет-нет, не останусь точно!

Она внезапно обиделась:

- Зачем тогда приезжали?

И ушла к себе на пост. Больше ко мне не подходила до утра.

Койка моя – между женских палат, две с одной стороны, одна с другой. Всю ночь в одной из них женщина стонала, бормотала, жаловалась в бреду. Сестра подходила несколько раз, уговаривала больную, что «ходить» надо в памперсы, что утка ей не нужна. Та, похоже, плохо понимала, все порывалась что-то с себя снять. Санитарка предлагала привязать ее к койке. Утром женщину увезли в реанимацию. Жива ли? Не знаю.

Часов с 6 утра в отделении наступает оживление. Ходячие активно оккупируют туалет – их два, мужской и женский, на двери каждого висит картонка с надписями с двух сторон фломастером: «Свободно» и «Занято». Запирать туалет здесь нельзя, защелок нет. Это и понятно, но таблички сделаны с таким подчеркнутым равнодушием, чтобы не сказать – презрением ко всем обитателям, что уже своим видом способны вызвать либо, по-научному, диарею, либо, по-простому, наоборот – запор. Но деваться некуда, и картонки с надписями ворочают туда-сюда. Иногда забывают (почему-то чаще всего женщины), и тогда из-за двери то и дело слышится возмущенный голос: «Занято!»

Те, кому положено «ходить» в утку, от этой суеты избавлены. Но они – в палатах, а я – в коридоре, на виду, мимо то и дело снуют персонал с капельницами, шприцами и таблетками, неспешно шествуют настоящие больные, оснащенные многочисленными катетерами, как ежи – иглами. Чувствую себя здоровым жлобом, занимающим чужое место. На рассвете я честно попытался воспользоваться судном, пристраивал и так, и эдак – плюнул. Нацепил свои кроссовки (тапки из дому не взял, вообще ничего не взял – врачи «скорой» убедили меня, что я тут – на минутку), дошел до туалета, повернул табличку,

сделав дело, вернулся назад... И башка, и унитаз остались целыми. Утром, когда движение мимо стало особенно оживленным, попросил сестру, показывая на утку: «Уберите, пожалуйста, от меня эту птичку, неудобно...» Она молча сняла судно, унесла.

Мне сделали все, что обещали – сняли кардиограмму, послушали и посмотрели сердце, сместили давление. Доктор, сменившая ночного врача, посмотрела на меня странно:

- Давление – хоть в космос, и остальное в порядке...

Я, кажется, покраснел. Она вздохнула.

- Ладно, переведем в палату, детально обследуем – посмотрим...

- Да зачем в палату?! Ну если все в порядке – чего меня здесь держать-то?

Она улыбнулась:

- Нет уж, если кто сюда попал...

Я вздрогнул.

Доктор ушла.

Я из вредности отказался от халявного завтрака, стал уныло думать. Что, если и правда запрут сюда на две недели? У меня на выходе книжный проект – коммерческий, мне за него неплохо платят, - в стадии разработки второй такой же, через неделю – публичное выступление, уже афиша есть и публика настроена...

От размышлений меня отвлекла сестричка – та самая, ночная, она почему-то еще не сменилась.

- На меня посмотрите!

Я посмотрел – и едва не заорал. Мне в лоб уставилось квадратное дуло короткоствольного пистолета. Палец сестрички лежал на спусковом крючке. Я мутно подумал: «Время завтрака, в коридоре никого, за общим больничным шумом глушитель все скроет...» Сестричка нажала на курок, пистолет странно запищал, на стволе загорелась крошечная лампочка.

- Тридцать шесть и пять, - сказала сестричка и пошла дальше. Я вытер пот.

Оказывается, так теперь измеряют температуру – щелк, и готово. А я думал, она мне отомстить решила. Или добить, чтоб не мучался.

Смирившись со своей участью, я решил, не теряя времени, наблюдать реальность.

Сцена первая. Хозяйственная

У соседней – как сказано, женской – палаты стоит длинная скамейка. Она – для посетителей. Сейчас в больнице – карантин по случаю гриппа, и посетители редки. Из палаты выходит больная – крепкая на вид старуха лет 70 с лишним. Тон ее в разговоре спокоен, властен, она – явно глава семейства. По крайней мере, того, какое они представляют со своим мужем – сын, как можно понять из разговора, давно живет отдельно, своей семьей. Старуха опирается на палку, садится на скамейку, набирает номер мобильного. Говорит она очень грамотно, вообще во всем облике, поведении – легкий налет интеллигентности. Может, бывшая учительница, а может, просто от природы такая. Я сразу назову ее по имени – оно настоящее, не выдуманное. Вообще, в этих сценах нет ничего выдуманного.

Катя. Алло! Коля, ты меня слышишь? Ну, хорошо. В общем, ты не волнуйся, у меня оторвался тромбик, но мне уже сделали коронарку, сделали что-то еще. В общем, стало полегче спать. Но ходить еще трудно, туалет через коридор, так мне и до него добраться – проблема целая. В общем, будут готовить к операции. Сколько пробуду здесь? Так откуда же я знаю! Неизвестно еще, когда операция, а сколько я еще потом пролежу – один Бог и знает.

Коля, теперь так. Слушай меня внимательно. Меня привезли на «скорой», и я с собой ничего не взяла. Мне надо, чтобы к 12 часам ты привез мне следующее – Коля, слушай внимательно, в час у нас обед, и надо, чтобы ты успел до обеда, а то утром пришлось завтракать из казенной чашки. Значит, иди на кухню. Нет-нет, трубку не клади,

я подожду. Пришел на кухню? Открой шкафчик – третий слева... нет, не тумбочку, а шкафчик, на стене который... третий слева... открыл? Вот. Возьми там эмалированную миску – такую, среднюю, не самую маленькую, но и не большую. Взял? Молодец. Теперь открой соседний шкафчик, левее который... нет, не правее, а левее. Да. Там у нас стоят кружки. Ты возьми ту, что... да, в общем, возьми любую, они все одинаковые. Какую взял? Нет, стеклянную не надо, возьми металлическую. Хорошо. Теперь выдвини в тумбочке верхний ящик – там у нас ложки-вилки лежат. Возьми большую ложку... да нет, зачем мне деревянная, Коля?! Возьми обычную. Только не алюминиевую! И чайную ложку тоже возьми. Так, молодец. Теперь смотри. В самом нижнем ящике лежат пластиковые пакеты – их там сто штук. Выбери самый симпатичный и прочный. Да ты не отключайся, ты просто трубку на стол положи пока... Алло! Коля! Ты куда пропал? Не можешь выбрать пакет покрасивее?! Ладно, Коля, черт с ним, с пакетом, закрой ящик! Там на ручке кухонной двери с другой стороны сумка висит такая... полотняная... Не знаешь, что такое полотняная? Ну, из тряпки, Коля! Возьми эту сумку, сложи в нее все, что нашел раньше, всю посуду. Сложил? Ну, молодец.

Устал? Ну, передохни, я подожду. Нет-нет, трубку не клади, я подожду!

Передохнул, Коля? Хорошо. Теперь надо пойти в зал. Дошел? Подойди к телевизору. В тумбе под телевизором лежат полотенца – ты выбери два: махровое одно и вафельное. Не знаешь, что такое вафельное? Ну такое... в клеточку. Нашел? Ага. А махровое – такое лохматое. Нашел? Молодец! Клади их тоже в сумку. Оставил сумку в кухне? Коля, ну что же ты! Ладно, иди, я подожду. Нет, не клади трубку!

Принес сумку, Коля? Сложил все? Хорошо.

Теперь, Коля, иди в спальню. В мою, конечно, в твоей-то что искать... Пришел? Открывай платяной шкаф, среднюю дверку. Нет, Коля, среднюю! Там в самом низу, под свешанными куртками, сложены тапочки. Надо найти такие кожаные, с плоской подошвой, только не шлепки, а которые с задником. Нашел? Да нет, с опушкой не надо, они сильно мягкие, надо кожаные. Нашел? Да зачем мне с каблуком, я что тут – танцевать буду?! Ладно, Коля, черт с ним, бери с опушкой.

Нет, в этом шкафу еще не все. Эту дверку закрой, открой левую. Там на третьей полке сверху лежат носки. Нет, носовые платки – на третьей снизу, а носки – на третьей сверху. Да, платок носовой тоже возьми, лучше даже два. Взял? Носки нашел? Молодец! Вот те, которые я тебе раньше говорила, когда меня «скорая» забирала, такие длинные, теплые – помнишь? Нашел? Ага. Так вот их – не надо, Коля, надо другие – тонкие такие, почти летние. А то здесь жарко будет в теплых носках и таких тапочках. Нашел тонкие? Ну, хорошо.

Все это, Коля, теперь сложи в сумку. Только сумку не забудь закрыть.

Коля, теперь смотри. Вот сейчас – половина девятого. Тебе надо привезти мне все это к двенадцати. В больнице – карантин, посетителей не пускают, но я договорилась на разовое посещение, чтобы ты мне вещи привез. Ты с вахты, снизу позвони по телефону – я тебе сейчас его продиктую, записывай. Записываешь? Ручка на кухне, на столе, в таком... башмаке. Ну, рядом с сахарницей. Там рядом и бумажка есть. Нашел? Записывай... Записал? Вот по этому телефону надо позвонить, врач возьмет трубку, позвонит на вахту, тебя пропустят. Только у тебя, Коля, мобильный садится. Ты сейчас сделай вот что: ты его поставь на зарядку на полчаса, а потом уже садись на автобус и приезжай. Только не опоздай, Коля, мне к обеду посуда нужна! Зарядка – под телевизором в тумбочке, где полотенца. И мобильный потом не забудь!

Катя отключает телефон, сидит некоторое время, опершись на палку, задумчиво смотрит перед собой.

Я (тихонько хрюкаю в подушку).

Сцена вторая. Жалостливая

Проведя несколько минут в задумчивости, Катя вдруг заметно преображается. Властное и спокойное выражение лица меняется на плаксивое, рука, набирающая номер на мобильнике, чуть-чуть подрагивает, как будто ее обладательница волнуется перед тем, как принять на себя новую роль.

Катя. Слава? Здравствуй, Слава... Я это... Я в больнице уже. Тромб оторвался, операцию будут делать... Не знаю, сколько пролежу, все зависит от того, как операция пройдет... Тромб – это такое... это серьезно, Слава... Да нет, ничего мне полегче не стало, откуда? Мне же только диагностику сделали... Нет, ко мне нельзя, здесь карантин, я только для Коли выпросила разовое посещение – меня ведь на «скорой» увезли, ночью, я ничего с собой взять не успела, вот он принесет. Да и зачем ко мне ходить будешь? Только расстраивать... Почему? Ну, как – почему... Ты мне вчера звонил – помнишь? Врешь, поди, что помнишь-то... Небось, и не помнишь ничего... *(По мере развития телефонного диалога голос Кати становится все более плаксивым, в конце разговора она уже утирает слезу.)* Я же тебя даже не по голосу – еще когда ты номер набираешь, я уже знаю – какой ты звонишь... Говоришь – расслабляться надо, работа такая – напряженная? Так что ж ты каждый день расслабляешься-то? Ну, понимаю – с полочки там, раз в месяц, ну даже пускай в неделю раз, в выходной, а ты – каждый день, и так, что не помнишь потом ничего... Да нет, не читаю я тебе мораль, сынок... Но ты... ты пожалей нас. Нам ведь сколько уже осталось-то, с Колей? *(Катя уже плачет.)* Да и я – выйду ли отсюда? В семьдесят пять такая операция, знаешь... Это хорошо, что ты меня подбадриваешь, только вот сам-то – и нас с отцом пожалей, и жену свою, другую Катю, и внуков моих. Жизнь-то – она одна...

Что говоришь? Катя-то? *(Старуха перестала плакать, подобралась.)* А зачем ей ко мне приходиться? Не надо ей ко мне приходиться. И не пустят, и... она будет глаза прятать, делать вид, что все у вас хорошо, а мне надо притворяться, что верю ей. Не приходите – и ты не приходи, и она пусть не приходит.

А что – восьмое марта? Ну и что, что у нас хотели отпраздновать? Я-то в больнице, и к восьмому никак не выпишут меня. А зачем без меня собираться? Чтобы и Колю напоить? Нет, Слава, не надо к нам, у себя справляйте, как хотите. Без Коли. И ему к вам не надо. Вот выпишут меня, если жива буду – тогда и соберемся. Все, Слава, устала я. Да и тебя отрываю. Иди, работай. И держи себя, сынок. А когда не удержал – не звони мне, не расстраивай. Целую.

Катя отключает мобильный, снова погружается в задумчивость.

Я (смахиваю случайную слезу).

Сцена третья. Нежная

Коля приходит с небольшим опозданием, почти бежит по коридору, издали виновато разводит руками. Он невысокий, кругленький, лысеющий, того же примерно возраста, что жена. Катя так и сидела все это время на скамейке, ненадолго только зашла в палату на врачебный осмотр.

Коля. Опоздал, Катя, автобус ждал долго, да и пробки б...дские.

Катя. Ничего, Коля, обед еще не настал.

Они обнимаются и целуются нежно, как молодожены. Из дальнейшего диалога становится ясно: нецензурные слова в его устах – не более чем связки, Катя их именно так и воспринимает.

Коля. Ну, вот, вроде все я тебе принес, что хотела.

Катя берет из его рук матерчатую сумку, перебирает содержимое.

Катя. А воды-то, воды-то не принес! Пить-то!

Коля растерянно и виновато смотрит на нее.

Коля. Так не просила же!

Катя. Ну, самому-то где же догадаться... Ладно, посидим вот сейчас, поговорим, я тебе скажу – куда сходить, сходишь, купишь, второй раз тебя пустят. А то потом уже не получится.

Она ненадолго уходит в палату, опираясь на палку и унося с собой сумку.

Возвращается, садится рядом с Колей. Коля молча смотрит на нее, гладит по плечу.

Коля (*ему хочется сказать что-то ласковое, но он не знает – что именно*). Полегче тебе?

Катя. Спать полегче, не задыхаюсь так, а вот ходить еще тяжело.

Коля. Ну-ну... (*Он опять не знает, что сказать, и все гладит Катю по плечу.*)

Катя. Как там Трифон-то наш? Ты с ним гулял?

Коля (*оживляется – появилась спасительная тема*). Ой, рассказать тебе забыл! Эта же, б...дь, скотина такое утварила!

Катя (*встревожено*). Что утварила-то?

Коля. Он, как только тебя забрали, я его из спальни выпустил, - он подбежал к двери, обнюхал коврик, по которому врачи топтались – и смотрит на меня. Глаза, б...дь, такие... ну, как спрашивает все равно что: «Куда ты ее, сука, дел? Зачем отдал?»

Катя смеется.

Да обожди смеяться-то, не все еще. Я спать пошел, говорю: «Трифон, иди на место!» Он ушел. Я уснул. А утром в твою спальню захожу... (*замолкает и смотрит на Катю.*)

Катя. Ну! Заходишь, ну!

Коля (*со вздохом, как будто сообщает страшную весть*). А там на кровати такая вот куча! Насрал, б...дь!

Катя мгновение молчит, затем раздражается смехом. Коля смотрит на нее в недоумении.

Ты чо смеешься-то, Катя?! Чо смешного-то? Я теперь не знаю, чо с этим делать!

Катя (*продолжая смеяться*). Ну так это ж он – чтобы никто на мою постель без меня не лег! Погоди, он еще и тебе наделает! (*Вдруг замолкает.*) Коля, а как это – ты не знаешь, что с этим делать? Ты не убрал, что ли?

Коля. Ну, я там сгреб кучу-то...

Катя (*ласково и в то же время с нажимом*). Коля, надо белье теперь снять и постирать. Я когда еще выберусь отсюда.

Коля (*растерянно*). Да как стирать-то? Я ж не знаю, как стирать...

Катя (*терпеливо*). Коля, стирать просто. Машинка у нас – автомат, так ведь? Ну, вот. Слева там такая выдвигаемая ячейка, ящичек такой. Сверху стоит пакет с порошком, в нем – ложечка мерная. Ты ящичек выдвинешь, в ложечку на треть наберешь порошка, насыплешь в ящичек, задвинешь его. Справа на машинке есть такое колесико – ты его вправо на одно деление повернешь, только вправо, Коля, ни за что влево не поворачивай, а то сломаешь машинку! На кнопку нажмешь, как загорится огонек, машинка воду начнет набирать, зашумит – значит, все правильно сделал.

Коля смотрит на нее с ужасом.

Коля. А белье куда?

Катя. Ну куда-куда! В машинку, конечно! Там дверка – видел? Круглая такая. Вот туда белье запихнешь, дверку закроешь, чтобы щелкнула, а потом сделаешь все, что я сказала.

Коля (*все так же в состоянии шока*). Катя... я Славе позвоню... или Кате...

Катя (*твердо, тоном, не терпящим возражений*). Славе и Кате не звони. Если запутаешься – лучше звони мне.

Коля (*обреченно*). Ладно, Катя...

Катя. Ну и хорошо! И молодец!

Они опять некоторое время молчат. Коля все время гладит Катю по плечу.

Коля. Ну, а как тут в палате-то? Соседки-то?

Катя. Да ничего соседки, нормальные... тут все нормальные, Коля. Больные только. Ну, с одной поругалась – ее сегодня выписывают, слава Богу. Женщина в соседней палате после операции, ее из реанимации привезли, да, видать, не до конца это... реанимировали. Ну, она стонала всю ночь, все памперсы с себя снимала, сестричка с ней возилась. Так вот эта наша гадюка, с которой я поругалась, лежит и ворчит: «Чтоб ты сдохла, спать из-за тебя не могу!» Я не выдержала, говорю: «Как не стыдно!» А она мне: «И ты чтоб сдохла!»

Коля. Да ты чо?! Это которая – у окна которая или где? Я щас ей скажу...

Катя (*прерывая*). Сиди! Сиди уже... Бог с ней. Может, у ней какое несчастье тоже. А нет, если по злобе – так Бог и сам накажет.

Пауза.

Коля. Да, Катя, забыл совсем! У тебя в спальне как телевизор выключается-то?

Катя (*недоуменно*). Да так же, как у тебя...

Коля (*с досадой, нетерпеливо*). Да вот нет, Катя, не так! У меня – я перед сном кнопку нажимаю, какую ты настроила, и он через полчаса выключается. А у тебя, пока из розетки не выдрал, не выключился! Он же, когда тебя забирала «скорая», играл.

Катя (*едва сдерживая смех*). Ну там, Коля... ладно, выдернул из розетки – и ладно. Приеду – покажу, как надо. Если жива буду. А нет – так и разница тебе какая?

Коля. Ну, ты это... так-то не говори уж...

Пауза.

Катя. Ладно, Коля, иди уже, наверно. Давай расскажу, где воду брать. Вот смотри, Коля. Ты выходишь из главного входа, там проезд для машин, помнишь? Вот. Там справа – черда павильонов, есть продовольственные, есть другие. Третий от проезда – продовольственный. Ты туда зайди, купи мне две бутылки воды – минеральной, но не газированной только. Запомнил?

Коля. Да запомнил, чего тут...

Катя. Только надо брать определенную воду – ну, например... или так давай: ты зайди сейчас в мою палату – не бойся, зайди, там бабы не голые. Посмотри – какая вода стоит у меня перед моей кроватью – она сразу справа от входа.

Коля уходит, через минуту возвращается.

Ну, какая?

Коля. «Родники родные», запомню уж.

Катя. Ага, «Родники родные». Так вот, Коля, эту воду брать не надо, она невкусная совсем. А возьми лучше «Лад», запомнил?

Коля (*немного растерян*). Ну да, запомнил... «Лад»... Принесу щас...

Катя. Давай, Коля, иди, я пока тут посижу, дождусь тебя, а потом и обед скоро.

Коля (*встает, медленно направляется к двери. Вдруг оборачивается, идет к Кате, обнимает ее и говорит со странным смешком.*) Пожалуй, п...дец нам с тобой наступает, Катя...

Катя (*очень нежно, гладя его по голове*). Что делать, Коля... Все к тому идем.

Я (*утыкаюсь мордой в мокрую подушку*).

Просцениум

Бессонная ночь и лирическая сцена отняли силы: я уснул. Проснулся от бархатного баритона.

- Здравствуйте еще раз!

Я открыл глаза. Надо мною стоял красавец лет 35 от роду во врачебном облачении – я вспомнил: утром он пробежал мимо, посмотрел на меня, сказал: «Ага... Здравствуйте...» - и убежал дальше.

- Здравствуйте, - еще сонно отозвался я.

- Я заведующий отделением, - коротко представился он, не назвав ни фамилии, ни имени-отчества. Взгляд его был пристальным, читалось в нем почти нескрываемое презрение. Он не улыбался. Ни тени доброжелательства не читалось в этом взгляде. – Я

бегло просмотрел вашу историю, – он не говорил – он расстреливал меня короткими очередями. – Откровенно говоря, я не понимаю – как вы попали к нам и зачем вы здесь?

Остатки сна улетучились, но реагировал я еще не очень оперативно.

- Меня на «скорой» привезли...

- Я знаю, - прервал меня заведующий и взял за руку. – Судя по кожным покровам, и температура, и давление, и пульс у вас нормальны, - и опять посмотрел на меня презрительно.

- Доктор, - почти взмолился я, - я и сам понимаю, что занимаю чужое место!

- Никакого чужого места вы не занимаете – мест в палатах нет, вы – в коридоре. Но и здесь вы, кажется...

Теперь я его прервал.

- Я понял вас. Мне не нужен больничный, я – не симулянт, я не рвался в вашу замечательную больницу с вашим замечательным отделением, и если вы меня отсюда отправите – буду только благодарен! У меня... - я стал перечислять ему свои проекты и планы, свои обязательства – и он, кажется, смягчился.

- Сейчас я посмотрю еще внимательно вашу историю, последние результаты, и, если мы ничего там не увидим – не нахожу оснований дальше вас задерживать.

Меня восхитила лексика – надо же: «Дальше вас задерживать...» Но я согласился:

- Доктор, буду вам только благодарен, если вы не станете дальше меня здесь задерживать.

Он молча кивнул и ушел.

К обеду меня выписали.

23.03.2017